ОЛЬГА
БЕРГГОЛЬЦ

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПОЭМА

ГОСЛИТИЗДАТ

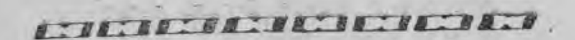
ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПОЭМА

ОГИЗ
Государственное издательство „Художественной литературы"
Ленинград 1942

Ответственный редактор
Б. В. Папковский
Подписано к печати 25/XII
1942 г. Тир. 10.000. М. 10898.
Авт. л. 2,1. Печ. л. 1 3/4.
Заказ № 1102. ЛТ УН-2.

ДОРОГА НА ФРОНТ

...Мы шли на фронт по улицам
знакомым,
Припоминали каждую, как сон:
Вот палисад отеческого дома,
Здесь жил, шумя, огромный добрый
клен.

Он в форточки тянулся к нам весною
Прохладный, глянцевитый поутру...
Но этой темной, ледяной зимою
И ты погиб, зеленый, шумный друг.

Зияют окна вымершего дома.
Гнездо мое, что сделали с тобой!
Разбиты стены старого райкома,
Его крылечко с кимовской звездой.

Я шла на фронт сквозь детство — той
дорогой,

Которой в школу бегала давно.
Я шла сквозь юность,
сквозь ее тревогу,
Сквозь счастие свое перед войной.

Я шла сквозь хмурое людское горе —
Пожарища, развалины, гробы.
Сквозь новый, только возникавший
город,
Где здания прекрасны и грубы.

Они молчат, хозяев не увидев:
Мы не успели поселиться тут.
Я шла на фронт
сквозь тяжкую обиду —
Свою невоплощенную мечту.

Я шла сквозь жизнь, сводя до боли
пальцы.
Твердил мне путь, давнишний
и прямой:
— Иди. Не береги себя. Не сжалься,
Не плачь, не умиляйся над собой. —

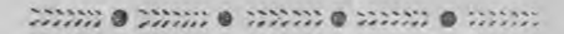
И вот — река, лачуги, ветер жесткий,
Челны рыбачьи, дымный горизонт,
Землянка у газетного киоска, —
Наш, ленинградский, неприступный
фронт.

Да. Знаю. Все, что с детства
в нас горело,
Все, что в душе болит, поет, живет, —
Все шло к тебе, торжественная
зрелость,
На этот фронт у городских ворот.

Ты нелегка — я это тоже знаю.
Но все равно — пути другого нет.
Благодарю ж тебя, благословляю,
Жестокий мой, короткий мой расцвет.

За то, что я сильнее и спокойней,
И терпеливей стала во сто крат,
И всею жизнью защищать достойна
Великий город жизни — Ленинград.

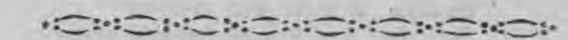
Май 1942 г.

СТИХИ О ЛЕНИНГРАДСКИХ БОЛЬШЕВИКАХ

Нет в стране такой далекой дали,
Не найдешь такого уголка,
Где бы не любили, где б не знали
Ленинградского большевика.
В этом имени — осенний Смольный,
Балтика, «Аврора», Петроград.
Это имя той железной воли,
О которой гимном говорят.
В этом имени бессмертен Ленин
И прославлен город на века,
Город, воспринявший облик гневный
Ленинградского большевика.
Вот опять земля к сынам воззвала,
Крикнула: «Вперед, большевики!»,
Страдный путь к победе указала
Лениским движением руки.
И верны уставу, как присяге,
Вышли первыми они на бой,
Те же, те же смольнинские стяги

Высоко подняв над головой.
Там они, где ближе гибель рыщет.
Всюду, где угроза велика.
Не щадить себя — таков обычай
Ленинградского большевика.
И идут, в огонь идут за ними,
Все идут, от взрослых до ребят,
За безжалостными, за своими,
Не щадящими самих себя.
Нет, земля, — в неволю, в когти
смерти
Ты не будешь отдана, пока
Бьется хоть единственное сердце
Ленинградского большевика.

Двадцатое августа 1941 г.
Ленинград объявлен в опасности.

ПЕСНЯ О ЛЕНИНГРАДСКОЙ МАТЕРИ

Вставал рассвет балтийский
ясный,
Когда воззвали рупора:
— Над нами грозная опасность.
Бери оружье, Ленинград! —
А у ворот была в дозоре
Седая мать двоих бойцов,
И дрогнуло ее лицо,
И пробежал огонь во взоре.
Она сказала:
— Слышу, маршал,
Ты обращаешься ко мне.
Уже на фронте сын мой старший,
И средний тоже на войне.
А младший сын со мною рядом.
Ему семнадцать лет всего,
Но на защиту Ленинграда
Я отдаю теперь его.
Иди, мой младший, мой любимый,

Зови с собой своих друзей.
Да не падет на дом родимый
Бесчестье плена и плетей!
Нет, мы не встанем на колени!
Не опозорить, не попрать
Тот город, где Владимир Ленин
Учил терпеть и побеждать.
Нет, осиянный ратной славой,
Великий город победит,
Метя за Париж, и за Варшаву,
И за твою судьбу, Мадрид.
Иди ж, сынок. Я твердо знаю —
Не дрогнет меч в руке твоей,
А я тебя благословляю
Всем гневом родины моей. —
На бранный труд, на бой, на муки
Во имя права своего
Уходит сын, целуя руки,
Благословившие его,
И, хищникам пророча горе,
Гранаты трогая кольцо, —
У городских ворот в дозоре
Седая мать троих бойцов.

20 августа 1941 г.

Двенадцатое сентября 1941 г.
Первые бомбардировки Ленинграда, первые артиллерийские снаряды на его улицах. Фашисты рвутся к городу. Ежедневно Ленинград говорит со страной по радио...

СЕСТРЕ

Машенька, сестра моя москвичка,
Ленинградцы говорят с тобой.
На военной грозной перекличке
Слышишь ли далекий голос мой?
Знаю — слышишь. Знаю — всем
знакомым
Ты сегодня хвастаешь с утра:
— Нынче из отеческого дома
Говорила старшая сестра.
...Старый дом на Палевском
за Невской,
Низенький зеленый палисад.
Машенька, ведь это — наше детство,
Школа, елка, пионеротряд.
Вечер, клены, мандолины струны
С соловьем заставским вперебой.

Машенька, ведь это — наша юность.
Комсомол и первая любовь.
А дворцы и фабрики заставы?
Труд в цехах, неделями подряд?
Машенька, ведь это наша слава,
Наша жизнь и сердце — Ленинград.
Машенька, теперь в него стреляют.
Прямо в город, прямо в нашу жизнь
Пленом и позором угрожают,
Кандалы готовят и ножи.
Но жестоко душу напрягая,
Смертно ненавидя и скорбя,
Я со всеми вместе присягаю
И даю присягу за тебя.
Присягаю ленинградским ранам,
Первым разоренным очагам:
— Не сломлюсь, не дрогну,
не устану.
Ни крупицы не прощу врагам.
Нет. По жизни и по Ленинграду
Полчища фашистов не пройдут.
В низеньком зеленом палисаде
Лучше мертвой наземь упаду.
Но не мы — они найдут могилу.
Машенька, мы встретимся с тобой
Мы пройдемся по заставе милой,
По зеленой, синей, голубой.
Мы пройдемся улицею длинной,
Вспомним эти горестные дни.

И услышим лепет мандолины,
И увидим мирные огни.
Расскажи ж друзьям своим в столице:
— Стоек и бесстрашен Ленинград.
Он не дрогнет, он не покорится! —
Так сказала старшая сестра.

Сентябрь 1941 г.

Сентябрь 1941 г. Враг у ворот Ленинграда. Хлебная норма уменьшена. Ленинградцы строят баррикады.

ПЕРВОЕ ПИСЬМО НА КАМУ

Я знаю — далеко́ на Каме
Тревожится, тоскует мать.
Что написать далекой маме,
Как успокоить? Как солгать?
Она в открытках каждой строчкой,
Страшась и всей душой любя,
Все время молит:
— Дочка, дочка,
Прошу, побереги себя... —
О, я любой ценою рада
Тревогу матери унять.
Я напишу ей только правду:
Пусть не боится за меня.

— Я берегу себя, родная,
Не бойся, очень берегу.
Я город наш обороняю
Со всеми вместе, как могу.

Я берегу себя от плена,
Позорнейшего на земле.
Мне кровь твоя, черней в венах,
Диктует: — Гибель, но не плен.
Не бойся, мама, я не струшу,
Не отступлю, не побегу,
Взращенную тобою душу
Непобежденной сберегу.
Не бойся, нет во мне смятенья,
Еще надолго хватит сил.
Победоносному терпенью
Недаром Ленин нас учил.
Не бойся, мама, — я с друзьями,
А ты люби моих друзей... —
...Так я пишу далекой маме.
Я написала правду ей.

Я не пишу — и так вернее, —
Что старый дом разрушен наш,
Что ранен брат, что, я старею,
Что мало хлеба, мало сна.
И главная, быть может, правда
В том, что не все узнает мать:
Ведь мы залечим эти раны,
Мы все вернем себе опять.
И сон — спокойный, долгий, теплый,
И песни с самого утра,
И будет в доме, в ясных стеклах
Заря вечерняя играть.

И я кричу знакомым людям:
— Пишите правду матерям.
Пишите им о том, что будет,
Не жалуйтесь, что трудно нам.

24 сентября 1941 г.

Начало октября 1941 г. Фашистам не удалось взять Ленинград атакой, — они пытаются замкнуть вокруг него кольцо блокады.

...Я буду сегодня с тобой говорить,
Товарищ и друг, ленинградец,
О свете, который над нами горит,
О нашей великой отраде.

Товарищ, нам горькие выпали дни,
Грозят небывалые беды,
Но мы не забыты с тобой, не одни, —
И это уже победа.

Смотри — материнской тоскою полна,
За дымной грядою осады
Не сводит очей воспаленных страна
С защитников Ленинграда.

Так некогда, друга отправив в поход
На подвиг тяжелый и славный,
Рыдая, глядела века напролет
Со стен городских Ярославна.

Молила, чтоб ветер хоть голос домчал
До друга, сквозь дебри и выси. . .
А письма летят к Ленинграду сейчас,
Как в песне, десятками тысяч.

Сквозь пламя и ветер летят и летят
Их строки размыты слезами.
На ста языках об одном говорят:
— Мы с вами, товарищи, с вами! —

А сколько посылок приходит с утра
Сюда, в ленинградские части!
Как пахнут и варежки и свитера —
Забытым покоем и счастьем. . .

И нам самолеты послала страна, —
Да будем еще неустанней.
Их мерная, гулкая песня слышна,
И видно их крыльев блистанье.

Товарищ, прислушайся, встань,
улыбнись
И с вызовом миру поведай:
— За город сражаемся мы не одни, —
И это уже победа.

Спасибо. Спасибо, родная страна,
За помощь любовью и силой,
Спасибо за письма, за крылья для нас,
За варежки тоже спасибо.

Спасибо тебе за тревогу твою —
Она нэм желанней награды.
О ней не забудут в осаде, в бою
Защитники Ленинграда.

Мы знаем — нам горькие выпали дни,
Грозят небывалые беды,
Но Родина с нами, и мы не одни, —
И нашею будет победа.

4 октября 1941 г.

Шестнадцатое октября 1941 г. Враг рвется к Москве. «Линия обороны Москвы проходит через сердце каждого ленинградца» — говорили в Ленинграде.

К сердцу Родины руку тянет
Трижды проклятый миром враг.
На огромнейшем поле брани
Кровь отметила каждый шаг.

О, любовь моя, жизнь и радость,
Дорогая моя земля!
Из отрезанного Ленинграда
Вижу свет твоего Кремля.

Пятикрылые вижу звезды,
Точно стали еще алей.
Сквозь дремучий, кровавый воздух
Вижу ленинский мавзолей.

И зарю над стеною старой,
И зубцы ее, как мечи.
И нетленный прах коммунаров
Снова в сердце мое стучит.

Наше прошлое, наше дерзанье,
Все, что свято нам навсегда, —
На разгром и на поруганье
Мы не смеем врагу отдать.

Если *это* придется взять им,
Опозорить свистом плетей,
Пусть ложится на нас проклятье
Наших внуков и их детей!

Даже клятвы сегодня мало.
Мы во всем земле поклялись.
Время смертных боев настало —
Будь неистов. Будь молчалив.

Всем, что есть у тебя живого,
Чем страшна и прекрасна жизнь —
Кровью, пламенем, сталью,
словом, —
Задержи врага. Задержи!

16 октября 1941 г.

Шестое ноября 1941 г.
Вечером, в 20 часов, во время бомбежки, ленинградцы слушали речь Сталина, передававшуюся из Москвы.

...Мы слышали твой голос. Мы
спокойны.
Ничто не в силах нас разъединить.
С тобой, Москва, с тобою,
Вождь и воин,
В боях — встречаем памятные дни.

Жесток наш путь и тяжелы утраты.
Все возместим.
А враг — он должен пасть.
Мы никому не отдадим обратно
С тобою завоеванную власть.

Мы слышали твой голос. Мы
спокойны.
Нас не сломают, не поработят.
Да здравствует суровый вождь и воин!
Да здравствуют Москва и Ленинград!

6 ноября 1941 г.

Декабрь 1941 г. До пятого декабря воздушные тревоги длились иногда по 5—7 часов. Ленинградцы получали от 125 до 250 граммов хлеба.

РАЗГОВОР С СОСЕДКОЙ

Дарья Власьевна,
соседка по квартире,
Сядем, побеседуем вдвоем.
Знаешь, — будем говорить о мире,
О желанном мире, о своем.

Вот мы прожили почти полгода,
Полтораста суток длится бой.
Тяжелы страдания народа —
Наши, Дарья Власьевна, с тобой.

О, ночное воющее небо,
Дрожь земли, обвал невдалеке,
Бедный ленинградский ломтик
хлеба, —
Он почти не весит на руке...

Для того, чтоб жить в кольце
блокады,

Ежедневно смертный слушать
свист, —
Сколько силы нам, соседка, надо,
Сколько ненависти и любви!

Столько, что минутами в смятенье
Ты сама себя не узнаешь:
— Вынесу ли? Хватит ли терпенья?
Вынесешь. Дотерпишь. Доживешь.

Дарья Власьевна, — еще немного,
День придет — над нашей головой
Пролетит последняя тревога
И последний прозвучит отбой.

И какой далекой, давней-давней
Нам с тобой покажется война
В миг, когда толкнем рукою ставни,
Сдернем шторы черные с окна!

Пусть жилище светится и дышит,
Полнится покоем и весной.
Плачьте тише, смейтесь тише, тише.
Будем наслаждаться тишиной.

Будем свежий хлеб ломать руками,
Темнозолотистый и ржаной.
Медленными, крупными глоткáми
Будем пить румяное вино.

А тебе — да ведь тебе ж поставят
Памятник на площади большой.
Нержавеющей, бессмертной сталью
Облик твой запечатлят простой.

Вот такой же: исхудавшей, смелой,
В наскоро повязанном платке,
Вот такой, когда под артобстрелом
Ты идешь с кошелкою в руке.

Дарья Власьевна, твоею силой
Будет вся земля обновлена.
Этой силе имя есть — Россия.
Стой же и мужайся, как она!

5 декабря 1941 г.

Декабрь 1941 г. Фашисты разгромлены под Москвою, Нами взят обратно Тихвин, отбит Волхов. Идет пятый месяц блокады Ленинграда.

ВТОРОЕ ПИСЬМО НА КАМУ

Вот я снова пишу на далекую Каму.
Ставлю дату: двадцатое декабря.
Как я счастлива,
что горячо и упрямо
Штемпеля Ленинграда
на конверте горят.
Штемпеля Ленинграда! Это надо понять!
Все защитники города
понимают меня.

Ленинградец, товарищ, оглянись-ка
назад,
В полугодье войны изумляясь себе:
Мы ведь смерти самой поглядели в глаза,
Мы готовились
к баррикадной борьбе.

Ленинград в сентябре,
Ленинград в сентябре.

Златосумрачный, царственный листопад,
Скрежет первых бомбежек, рыданье сирен,
Темноржавые контуры баррикад.

Только все, что тогда я
на Каму писала,
Все, о чем я так скупо теперь говорю, —
Ленинградец, — ты знаешь, — было только
началом,
Было только вступленьем
к твоему декабрю.

Ленинград в декабре, Ленинград в декабре.
О, как ставенки стонут на темной заре,
Как угрюмо твое ледяное жилье,
Как врагами изранено тело твое!
Мама, Родина светлая, из-за кольца
Ты твердишь:
«Ежечасно гордимся тобой».
Да, мы вновь не отводим от смерти лица,
Принимаем голодный и медленный бой.

Ленинградец, мой спутник,
мой единственный друг, —
Нам декабрьские дни сентября тяжелей.
Все равно — не разнимем
наших сомкнутых рук, —
Мы и это, и это должны одолеть.

Враг не взял нас атакой,
не сломит измором.
Ленинградец, гвардеец, — слышишь —
наши полки
Рвут змеиные кольца,
охватившие город,
Гонят в рога, жгут, поднимают его
на штыки.

Он придет, ленинградский торжественный
полдень,
Тишины, и покоя, и хлеба душистого
полный.
О, какая отрада,
какая великая гордость
Знать, что в будущем каждому скажешь
в ответ.
— Я жила в Ленинграде
в декабре сорок первого года,
Вместе с ним принимала
известия первых побед. —

Нет, не вышло второе письмо
на далекую Каму.
Это гимн ленинградцам — опухшим,
упрямым, родным.
Я отправлю от имени их, за кольцо,
телеграмму: —
«Живы. Выдержим. Победим!».

25 декабря 1941 г.

НОВОГОДНИЙ ТОСТ

В еще невиданном уборе —
Завьюженный огромный ДОТ, —
Так Ленинград, гвардеец-город,
Встречает этот новый год.
Как беден стол, как меркнут свечи!
Но я клянусь — мы никогда
Правдивей и теплее встречи
Не знали в прежние года.
Мы, испытавшие блокаду,
Все муки ратного труда, —
Друг другу счастья и отрады
Желаем так, как никогда.
Мы, с диким мужеством и страстью
Ведущие тягчайший бой, —
Мы знаем, что такое счастье,
Что значит верность и любовь.
Так выше головы и чаши
С глотком вина — мы пьем его
За человеческое наше,

Незыблемое торжество.
За Армию — красу и гордость
Планеты страждущей земной,
За наш угрюмый, милый город,
Втройне любимый и родной.
Мы в чаянье тепла и света
Глядим в грядущее в упор.
За горе, гибель и позор
Врага!
        За жизнь!
                        За Власть Советов!

31 декабря 1941 г.

ФЕВРАЛЬСКИЙ ДНЕВНИК

1

Был день, как день.
Ко мне пришла подруга,
Не плача, рассказала, что вчера
Единственного схоронила друга,
И мы молчали с нею до утра.

Какие ж я могла найти слова?
Я тоже — ленинградская вдова.

Мы съели хлеб, что был отложен
на день,
В один платок закутались вдвоем.
И тихо-тихо стало в Ленинграде,
Один, стуча, трудился метроном.

И стыли ноги, и томилась свечка,
Вокруг ее слепого огонька
Образовалось лунное колечко,
Похожее на радугу слегка.

Когда немного посветлело небо,
Мы вместе вышли за водой и хлебом,
И услыхали дальней канонады
Рыдающий, тяжелый, мерный гул:
То армия рвала кольцо блокады,
Вела огонь по нашему врагу.

II

А город был в дремучий убран иней.
Уездные сугробы, тишина,
Не отыскать в снегах трамвайных
линий,
Одних полозьев жалоба слышна.

Скрипят, скрипят по Невскому
полозья.
На детских санках, узеньких, смешных,
В кастрюльках воду голубую возят,
Дрова и скарб, умерших и больных.
Так с декабря кочуют горожане,
За много верст, в степной туманной
мгле,
В глуши слепых, обледеневших зданий
Отыскивая угол потеплей.

Вот женщина ведет куда-то мужа.
Седая полумаска на лице,
В руках бидончик — это суп на ужин.

Свистят снаряды, свирепеет стужа, —
Товарищи, мы в огненном кольце...

А девушка с лицом заиндевелым,
Упрямо стиснув почерневший рот,
Завернутое в одеяло тело
На Охтенское кладбище везет.

Везет, качаясь, — к вечеру
добраться б...
Глаза бесстрастно смотрят в темноту.
Скинь шапку, гражданин!
Провозят ленинградца
Погибшего на боевом посту.

Скрипят полозья в городе, скрипят.
Как многих нам уже не досчитаться!
Но мы не плачем: правду говорят,
Что слезы вымерзли у ленинградцев.
Нет, мы не плачем. Слез для сердца
мало.
Нам ненависть заплакать не дает.
Нам ненависть залогом жизни стала:
Объединяет, греет и ведет.

О том, чтоб не прощала, не щадила,
Чтоб мстила, мстила, мстила,
как могу, —
Ко мне взывает братская могила
На Охтенском, на правом берегу.

III

Как мы в ту ночь молчали, как
молчали...
Но я должна, мне надо говорить
С тобой, сестра по гневу и печали:
Прозрачны мысли, и душа горит.

Уже страданьям нашим не найти
Ни меры, ни названья, ни сравненья.
Но мы в конце тернистого пути
И знаем — близок день освобожденья.

Наверно, будет грозный этот день
Давно забытой радостью отмечен:
Наверное, огонь дадут везде,
Во все дома дадут, на целый вечер.

Двойною жизнью мы сейчас живем:
В кольце, во мраке, в голоде, в печали
Мы дышим завтрашним,
свободным, щедрым днем —
Мы сами этот день завоевали.

IV

Враги ломились в город наш
свободный,
Крошились камни городских ворот.
Но вышел на проспект Международный
Вооруженный трудовой народ.

Он шел с бессмертным
возгласом
в груди:
— Умрем, но Красный Питер
не сдадим! —
Красногвардейцы, вспомнив о былом,
Формировали новые отряды,
И собирал бутылки каждый дом
И собственную строил баррикаду.
И вот за это — долгими ночами
Пытал нас враг железом и огнем.
— Ты сдашься, струсишь, —
Бомбы нам кричали, —
Забьешься в землю, упадешь ничком,
Дрожа, запросят плена, как пощады,
Не только люди — камни Ленинграда!

Но мы стояли на высоких крышах
С закинутою к небу головой,
Не покидали хрупких наших вышек,
Лопату сжав немеющей рукой.

... Настанет день, и, радуясь, спеша,
Еще печальных не убрав развалин,
Мы будем так наш город украшать,
Как люди никогда не украшали.

И вот тогда на самом стройном зданье,
Лицом к восходу солнца самого,
Поставим мраморное изваянье
Простого труженика ПВО.

Пускай стоит, всегда зарей объятый,
Так, как стоял, держа неравный бой:
С закинутою к небу головой,
С единственным оружием — лопатой.

V

О, древнее орудие земное,
Лопата, верная сестра земли,
Какой мы путь немыслимый с тобою
От баррикад до кладбища прошли!

Мне и самой порою не понять
Всего, что выдержали мы с тобою.
Пройдя сквозь пытки страха и огня,
Мы выдержали испытанье боем.

И каждый, защищавший Ленинград,
Вложивший руку в пламенные раны,
Не просто горожанин, а солдат,
По мужеству подобный ветерану.

Но тот, кто не жил с нами, не поверит,
Что в сотни раз почетней и трудней
В блокаде, в окруженьи палачей —
Не превратиться в оборотня, в зверя.

. . . .

VI

Я никогда героем не была,
Не жаждала ни славы, ни награды.
Дыша одним дыханьем с Ленинградом,
Я не геройствовала, а жила.

И не хвалюсь я тем, что в дни
блокады
Не изменяла радости земной,
Что, как роса, сияла эта радость,
Угрюмо озаренная войной.

И если чем-нибудь могу гордиться,
То, как и все друзья мои вокруг,
Горжусь, что до сих пор могу
трудиться,
Не складывая ослабевших рук.
Горжусь, что в эти дни, как никогда,
Мы знали вдохновение труда.

В грязи, во мраке, в голоде, в печали,
Где смерть, как тень,
тащилась по пятам,
Такими мы счастливыми бывали,
Такой свободой дикою дышали,
Что внуки позавидовали б нам.

О да, мы счастье страшное открыли —
Оно другим неведомо пока. —

Когда последней коркою делились,
Последнею щепоткой табака;

Когда вели полночные беседы
У бедного и дымного огня,
Как будем жить, когда придет победа,
Всю нашу жизнь по-новому ценя.

И ты, мой друг, ты даже в годы мира,
Как полдень жизни,
будешь вспоминать
Дом на проспекте Красных
Командиров,
Где тлел огонь и дуло от окна.
Ты выпрямишься, вновь, как нынче,
молод.

Ликуя, плача, сердце позовет
И эту тьму, и голос мой, и холод,
И баррикаду около ворот.

Да здравствует, да царствует всегда
Простая человеческая радость,
Основа обороны и труда,
Бессмертие и сила Ленинграда!

Да здравствует суровый и спокойный,
Глядевший смерти в самое лицо,

Удушливое вынесший кольцо
Как человек,
как труженик,
как воин!

Сестра моя, товарищ, друг и брат,
Ведь это мы, крещенные блокадой.
Нас вместе называют — Ленинград,
И шар земной гордится Ленинградом.

Двойною жизнью мы сейчас живем.
В кольце и стуже, в голоде, в печали
Мы дышим завтрашним,
счастливым, щедрым днем, —
Мы сами этот день завоевали.

И ночь ли будет, утро или вечер,
Но в этот день мы встанем и пойдем
Воительнице-Армии навстречу
В освобожденном городе своем.

Мы выйдем без цветов,
в помятых касках,
В тяжелых ватниках,
В промерзших полумасках,
Как равные, приветствуя войска.
И, крылья мечевидные расправив,
Над нами встанет бронзовая слава,
Держа венок в обугленных руках.

Январь — февраль 1942 г.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПОЭМА

I

Я, как рубеж, запомню вечер:
Декабрь, безогненная мгла,
Я хлеб в руке домой несла,
И вдруг соседка мне навстречу.
— Сменяй на платье, — говорит,—
Менять не хочешь, дай по дружбе:
Десятый день, как дочь лежит,
Не хороню. Ей гробик нужен.
Его за хлеб сколотят нам.
Отдай. Ведь ты сама рожала. —
И я сказала: — Не отдам. —
И бедный ломоть крепче сжала.
— Отдай, — она просила, — ты
Сама ребенка хоронила.
Я принесла тогда цветы,
Чтоб ты украсила могилу. —
...Как будто на краю земли,
Одни, во мгле, в жестокой схватке,
Две женщины, мы рядом шли,

Две матери, две ленинградки.
И, одержимая, она
Молила долго, горько, робко.
И сил хватило у меня
Не уступить мой хлеб на гробик.
И сил хватило — привести
Ее к себе, шепнув угрюмо:
— На, съешь кусочек, съешь...
прости!
Мне для живых не жаль — не думай.

Прожив декабрь, январь, февраль,
Я повторяю с дрожью счастья:
Мне ничего живым не жаль, —
Ни слез, ни радости, ни страсти.
Перед лицом твоим, Война,
Я поднимаю клятву эту,
Как вечной жизни эстафету,
Что мне друзьями вручена.
Их множество — друзей моих,
Друзей родного Ленинграда.
О, мы задохлись бы без них
В мучительном кольце блокады.

II

Вот предо мной письмо бойца.
Он — с Ладоги, а сам — волжанин.
Я верных рук ему не жала,
Не видела его лица.

Но знаю — друга нет верней,
Надежней, преданней, бесстрашней
Его письмо — письмо к жене
Твердит о давней дружбе нашей.
Он пишет: — Милая Наташа,
Прочти и всей родне скажи:
Спасибо вам за ласку вашу,
За вашу правильную жизнь.
Но я прошу, Наташа, — очень:
Ты не пиши, как прошлый раз,
Мол, «Пожалей себя для дочки»,
«Побереги себя для нас»...
Мне стыдно речи эти слушать!
Прости любимая, пойми,
Что Ленинград ожег мне душу
Своими бедными детьми.
Я в Ленинграде, правда, не был,
Но знаю — говорят бойцы:
Там дети плачут, просят хлеба.
А хлеба нет... А мы отцы...
И я, как волка, караулю
Фашиста — сутками в снегу,
И от моей свирепой пули
Пощады не было врагу.
Лежу порою — до костей
Достигнет снег. Дрожу, устану...
Уйти? А вспомню про детей —
Зубами скрипну — и останусь.
— Нет, — говорю, — позорный гад,
Палач детей, — я здесь, я слышу.

На, получай еще заряд
За ленинградских ребятишек. —
...Наташа, береги Катюшу,
Но не жалей меня, жена.
Не обижай тревогой душу,
В которой ненависть одна.
Нельзя дышать, нельзя, жена,
Когда дитя за хлебом плачет...
Да ты не бойся за меня.
А как я жить могу — иначе?

III

О, да — *иначе не могли*
Ни те бойцы, ни те шоферы,
Когда грузовики вели
По озеру в голодный город.
Холодный, ровный свет луны,
Снега сияют исступленно,
И со стеклянной вышины
Врагу отчетливо видны
Внизу идущие колонны,
И воет, воет небосвод,
И свищет воздух, и скрежещет,
Под бомбами ломаясь, лед,
И озеро в воронки плещет.
Но вражеской бомбежки хуже,
Еще мучительней и злей —
Сорокаградусная стужа,
Владычащая на земле.

Казалось — солнце не взойдет:
Навеки ночь в застывших звездах,
Навеки лунный снег, и лед,
И голубой свистящий воздух.
Казалось, что конец земли.
Но сквозь остывшую планету
На Ленинград машины шли:
Он жив еще. Он рядом где-то.
— На Ленинград, на Ленинград!
Там на два дня осталось хлеба,
Там матери под темным небом
Толпой у булочных стоят,
И дрогнут, и молчат, и ждут,
Прислушиваются тревожно:
— К заре, сказали, привезут. . .
— Гражданочки,
держаться можно. . .

И было так: на всем ходу
Машина задняя осела.
Шофер вскочил, шофер на льду. —
— Ну, так и есть — мотор заело.
Ремонт на пять минут, пустяк.
Поломка эта — не угроза,
Да рук не разогнуть никак:
Их на руле свело морозом.
Чуть разогнешь — опять сведет.
Стоять? А хлеб? Других
дождаться?
А хлеб — две тонны? Он спасет

Шестнадцать тысяч ленинградцев.
И вот — в бензине руки он
Смочил, поджег их от мотора —
И быстро двинулся ремонт
В пылающих руках шофера.
Вперед! Как ноют волдыри,
Примерзли к варежкам ладони.
Но он доставит хлеб, пригонит
К хлебопекарне — до зари.
Шестнадцать тысяч матерей
Пайки получат на заре —
Сто двадцать пять блокадных
грамм
С огнем и кровью пополам.

О, мы познали в декабре —
Не зря «священным даром» назван
Обычный хлеб, и тяжкий грех
Хотя бы крошку бросить наземь:
Таким людским страданьем он,
Такой большой любовью братской
Для нас отныне освящен —
Наш хлеб насущный,
ленинградский.

IV

Дорогой жизни шел к нам хлеб,
Дорогой дружбы многих к многим.
Еще не знают на земле

Страшней и радостней дороги.
И я навек тобой горда,
Сестра моя, москвичка Маша,
За твой февральский путь сюда,
В блокаду к нам, дорогой нашей.
Золотоглаза и строга,
Как прутик, тоненькая станом,
В огромных русских сапогах,
В чужом тулупчике, с наганом, —
И ты рвалась сквозь смерть и лед,
Как все, тревогой одержима, —
Моя отчизна, мой народ,
Великодушный и любимый.
И ты вела машину к нам,
Подарков полную до края.
Ты знала — я теперь одна,
Мой муж погиб, я голодаю.
Но то же, то же, что со мной,
Со всеми сделала блокада.
И для тебя слились в одно
И я, и горе Ленинграда.
И, ночью плача за меня,
Ты забирала на рассветах
В освобожденных деревнях
Посылки, письма и приветы.
Записывала: «Не забыть:
Деревня Хохрино. Петровы.
Зайти на Мойку сто один
К родным. Сказать, что все
здоровы,

Что Митю долго мучил фриц.
Но мальчик жив, хоть очень
слабый». . .
О страшном плене до зари
Тебе рассказывали бабы.
И лук сбирали по дворам,
В холодных разоренных хатах:
— На, питерцам свезешь, сестра
Проси прощенья — чем богаты. .

И ты рвалась — вперед, вперед,
Как луч, с неодолимой силой.
Моя отчизна, мой народ,
Родная кровь моя, — спасибо.

V

О, сквозь кольцо пробитый путь,
Единственный просвет в отчизну!
Но враг хотел кольцо замкнуть
Совсем. Отнять дорогу к жизни.
Был Тихвин взят. Рыча и злясь.
Фашисты лезут к Волховстрою.
Все туже смертная петля
На горле города-героя.
Нет! Не дадим петлю стянуть!
Дорогу к городу — не троньте!
И бьются за последний путь
Солдаты Северного фронта.
Войскам приказ — итти в атаку.

Заданье получает взвод,
Где командир Семен Потапов
Он говорит: — Бойцы, вперед!
Сейчас рубеж займем. За ним
Враги. Они хотят прорваться.
Смелей, бойцы! Не предадим
Железный подвиг ленинградцев!
Огонь. Ползут. — Вставай! —
Рванулись.
— За мною! — крикнул командир
И вдруг упал с немецкой пулей,
С проклятой пулею в груди.
Бойцы — к нему. Но промедленье
В атаке — проигрыш, конец.
И командир в самозабвенье
Кричит: — Не подходить ко мне!
За Ленинград — вперед! —
Неистов
Его приказ. И верен взвод,
И, прыгая через него,
Летит вперед и мнет фашистов.
Штыки вонзает на бегу
В черно-зеленые мундиры...
...А он остался на снегу,
Как сотни красных командиров,
Как сотни тех, кто вел и звал,
К себе не ведая пощады,
Своею смертью смерть попрал,
Витавшую над Ленинградом.
А он лежал в крови густой,

Ничком, с простертыми руками,
Как будто прикрывал собой
Под ним распластанное знамя.
И что же — верно: кровь свою
Он, точно стяг, легко и гордо
Пронес в решающем бою
За жизнь твою, любимый город,
За дочку, за жену, за мать,
В ком эта жизнь горит и бьется,
Кто будет ждать его — так ждать,
Как ждут того, кто не вернется.

VI

Вот так, исполнены любви,
Из-за кольца, из тьмы разлуки
Друзья твердили нам: «Живи!».
Друзья протягивали руки,
Оледеневшие, в огне,
В крови, пронизанные светом,
Они вручили вам и мне
Великой жизни эстафету.
Безмерно счастие мое.
Спокойно говорю в ответ им:
— Друзья, мы приняли ее,
Мы держим вашу эстафету.
Мы с ней прошли сквозь дни зимы.
В давящей мгле ее страданий
Всей силой сердца жили мы,
Всем светом творческих дерзаний

Да, мы не скроем — в эти дни
Мы ели клей, потом ремни.

Но съев похлебку из ремней,
Вставал к станку упрямый мастер,
Чтобы точить орудий части,
Необходимые войне.
Но он точил, пока рука
Могла производить движенья,
А если падал, — у станка,
Как падает солдат в сраженье.

Но люди слушали стихи
Как никогда — с глубокой верой,
В квартирах, черных, как пещеры,
У репродукторов глухих.

И обмерзающей рукой,
Перед коптилкой, в стуже адской
Гравировал гравёр седой
Особый орден — ленинградский.
Колючей проволокой он,
Как будто бы венцом терновым,
Кругом — по краю — обведен
Блокады символом суровым.
В кольце, плечом к плечу, втроем —
Ребенок, женщина, мужчина,
Под бомбами, как под дождем,
Стоят, глаза к зениту вскинув.

И надпись сердцу дорога:
Она гласит не о награде,
Она спокойна и строга: —
«Я жил зимою в Ленинграде».

Гравёр не получил заказ.
Он просто верил — это надо
Для тех, кто борется, для нас,
Кто должен выдержать блокаду

Так дрались мы за рубежи
Твои, возлюбленная Жизнь.

И я, как вы, — упряма, зла,
За них сражалась, как умела.
Душа, крепясь, превозмогла
Предательскую немощь тела.

И я утрату понесла.
К ней не притронусь даже
словом —
Такая боль... И я смогла,
Как вы, подняться к жизни снова

Затем, чтоб вновь и вновь
сражаться
За жизнь,
Носитель смерти, враг
Опять над каждым ленинградцем
Заносит кованый кулак.

Но не волнуясь, не боясь,
Гляжу в глаза грядущим схваткам:
Ведь ты со мной, страна моя,
И я недаром — ленинградка.
Под эстафетой вечной жизни
Тобой врученною, отчизна,
Иду с тобой путем единым,
Во имя мира твоего,
Во имя будущего сына
И светлой песни для него.

Для дальней полночи счастливой
Ее, заветную мою,
Сложила я нетерпеливо
Сейчас, в блокаде и в бою.

Не за нее ль идет война?
Не за нее ли ленинградцам
Еще бороться и мужаться
И мстить без меры?
...Вот она:

— Здравствуй, крестник
Красных командиров,
Милый вестник,
Вестник мира.

Сны тебе спокойные приснятся —
Битвы стихли
на земле ночной.

Люди неба
больше не боятся,
Неба, озаренного луной.

В синей-синей глубине эфира
Молодые облака плывут.
Над могилой красных командиров
Мудрые терновники цветут.

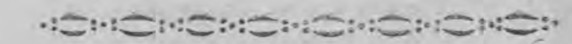
Ты проснешься
на земле цветущей,
Вставшей не для боя — для труда,
Ты услышишь
ласточек поющих:
Ласточки вернулись в города.

Гнезда вьют они — и не боятся,
Вьют в стене пробитой, под окном:
Крепче будет
гнездышко держаться,
Люди больше не покинут дом.

Так чиста теперь людская радость,
Точно к миру прикоснулась вновь.
Здравствуй, сын мой,
жизнь моя,
награда,
Здравствуй, победившая любовь! —

Вот эта песнь. Она проста,
Она — надежда и мечта.
Но даже и мечту враги
Хотят отнять и обесчестить.
Так пусть гремит сегодня гимн
Одной неутолимой мести!
Пусть только ненависть сейчас,
Как жажда, жжет уста народа,
Чтоб возвратить желанный час
Любви, покоя и свободы!

Ленинград.
Июнь — июль 1942 г.

ЛЕНИНГРАДУ

Нам от тебя теперь не оторваться.
Одною не бывалою борьбой,
Одной неповторимою судьбой
Мы все отмечены.
Мы — ленинградцы.

Нам от тебя теперь не оторваться.
Куда бы нас не повела война, —
Твоею жизнию душа полна,
И мы везде и всюду — ленинградцы.

Нас по улыбке узнают: нечастой,
Но дружелюбной, жадной и простой.
По вере в жизнь. По странной
жажде счастья.
По доблестной привычке трудовой.

Мы не кичимся буднями своими:
Наш путь угрюм и ноша не легка,

Но знаем, что завоевали имя,
Которое останется в веках.

Да будет наше сумрачное братство
Отрадой мира лучшею, навек,
Чтоб даже в будущем по ленинградцам
Равнялся самый смелый человек.

Да будет сердце счастьем озаряться
У каждого, кому проговорят:
— Ты любишь так, как любят
ленинградцы. —
Да будет мерой чести Ленинград.

Да будет он любви бездонной мерой
И силы человеческой живой,
Чтоб в миг сомнения, как символ
веры,
Твердили имя верное его.

Нам от него теперь не оторваться.
Куда бы нас не повела война, —
Его величием душа полна,
И мы везде и всюду — ленинградцы.

Апрель 1942 года

СОДЕРЖАНИЕ

3 руб.